

РАЗДЕЛ 4

НАУЧНЫЕ И ВНЕНАУЧНЫЕ СПОСОБЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ

К. М. Ольховиков
С. В. Ольховикова
г. Екатеринбург

МИФ КАК ЦЕННОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ

Категория границы и ее проблематизация применительно к процессу познания занимают значительное место в мировоззренческих штудиях Исаака Яковлевича Лойфмана. При этом один из аспектов диалектической трактовки границы устойчиво связан с предельными основаниями человеческого познания. Именно в рамках этого категориального пространства мы предлагаем рассматривать структуры и процессы мифомышления, в которых ценностное, истинное, бытийное находятся в постоянном синкретизме трансформаций. В общем и целом модель мифа как ценностного основания научного освоения мира человеком имеет следующий вид:

— миф как внешний антипод науки — это случайные сюжетные оценки, мифы в собирательном смысле слова, полустертые фольклорные вариации и отпечатки живого мифомышления;

— сущностный миф принадлежит к миру внутренних оснований творческой деятельности человека, не наблюдаем в качестве внешнего объекта, но составляет способ перехода от одних типов мышления к другим;

— специфика научного познания лишь внешним образом ограничивает творческие ресурсы мифа, тем самым еще более выражая исходный генетический потенциал мифа на границах научного миропонимания как уникально человеческого освоения мира;

— освоение категории мифа в рамках философии науки создает беспрецедентные возможности понимания сущности человека в качестве существа, осваивающего мир средствами рациональных проектов и институтов, — научная картина мира и социальный институт науки становятся понятнее в качестве единого целого, отражающего актуальные границы жизненного мира человека, его основания и перспективы;

— тупиковость антропологических программ, построенных на объектно-предметных классификациях видов знания и деятельности, может быть заменена методологическими типологиями видов мышления и жизнедеятельности человека, опираясь на модель мифологического инварианта, — таким образом, принципиальная незавершимость философской антропологии снимается через раскрытие антропологического смысла научного освоения мира.

Ненаблюдаемость мифа ярко проявляется в нарицательном употреблении слова «миф» в обыденной жизни и публицистике. Однако, даже будучи взятым как совокупность своих многоликих копий и фольклорных типов (включая и современный фольклор), миф заставляет угадывать в себе значительный потенциал влияния на мышление людей. В этом отношении миф рядоположен науке, сравним с ней по признаку объективной принудительности, повелительной силы, ощущаемой субъективным сознанием. Но только в одном случае эта сила исходит от фактов и принципов, а в другом — от образов и сюжетов. Наука призвана расколдовать множественность магических претензий, обыденных предрассудков, заменив их установкой на универсальность и инвариантность. И (такова диалектика сознания) именно в этом ключевом отношении наука оборачивается и предстает как более чистый, совершенный миф. Впрочем, эта родственная связь науки и мифа еще переживается как вполне метафорическая. Принудительность научных истин сама по себе еще не преодолевает рядоположенности мифам, не позволяет включить миф в собственную эмпирическую базу, инкорпорировать мифотворчество в качестве позитивного инструмента, а не простой манипуляции мышления. На этой стадии осознания сравнительных особенностей науки и мифа наука не освобождается вполне от своей зависимости от донаучного представления о мифе и не движется к осознанию глубинных мифологических пластов собственного происхождения. Введение в контекст сравнения мифа и науки такого компонента, как техника, технология, делает эту связь еще более плюралистичной и запутанной, поскольку реабилитирует магические способы освоения мира. Безусловно, классическая модель рациональности индустриального общества, в равной степени представленная в механистическом естествознании, протестантизме, философии просветителей и методе критического реализма в литературе, далеко не исчерпала своих ресурсов и сегодня, но только не в отношении мифа, который, как всегда, ускользнул от лобовой атаки рассудительности. Мифа не становится меньше, поскольку очередные формы рациональности генетически причастны к мифу, хотя и в разных отношениях и

разными способами. Классическая естественно-научная рациональность остается в ситуации рядоположенности мифу. Неклассическая наука, вводящая субъект познания в само существо научных фактов и принципов, тем не менее продолжает традицию стереотипно-просветительского отношения к мифу как собранию внешних для науки мифов. Теперь отношение ученого к чему угодно, включая мифы, не более и не менее чем вопрос его творческой кухни, которая интересна для историков и психологов науки, но не дает надежных результатов с точки зрения науки как рационального проекта. Творческая кухня остается за дверями лаборатории человеческой мысли. Поверхностное отношение к мифу отсылает науку на такие философско-ценностные позиции, которые не позволяют вполне раскрыть аксиологическую миссию научного познания. Наука остается не вполне научной, не уяснив свои отношения с мифом, как и с другими, производными от него способами человеческого мироотношения.

Наука не мыслима отдельно от творчества, и в этом суть взаимосвязи науки и мифа. Сущность творчества предполагается формальным условием преизбытка. Наука рождается вместе с вопросами, выходящими за рамки повседневной рутины, переиначивающими стереотипы здравого смысла. Миф соединяет в себе самодостаточную замкнутость и установку творческой трансформации фактов внешнего опыта, способов данности внешней реальности. Формирование научного мышления стоит в принципиально парадоксальном отношении к мифомышлению. Тотальное тождество в образах универсализма, вытекающего из самодостаточности, непременимое нахождение специфических критериев, позволяющих в компактной символической форме выразить добытые истины, дополняются антропологически фундаментальным различием критики и доверия. Миф не равен плохой науке, а наука — плохому мифу. Единственной точкой неотчетливого совпадения оказывается плохая наука и плохой миф, империя обывателя на территории здравого смысла. Открытие мифа в науке и науки в мифе, чтобы уйти от деградирующих стереотипов упрощения, предполагает более сложную модель здравого смысла и повседневного мышления.

Ярким историческим примером такой проработки здравого смысла и его успешного присвоения через нравственную компоненту была религиозная традиция. В очень значительной степени любые модели мифа и науки сегодня зависят от способа понимания религиозной традиции, даже в том случае, если она формально находится за рамками теоретического рассмотрения. Осмысление аксио-

логического потенциала религиозного освоения мира человеком дает прекрасный урок неуловимости мифа в его хтонических первообразах. И только в той мере, в какой совпадают «миф в науке» и «наука в мифе», имеет смысл говорить о непосредственной теоретической доступности мифа, но эта территория пуста, это вакантный семантический объем представлений, компенсируемый всяким человеческим усилием, связанным с пониманием. Неуловимость мифа антропологически обусловлена — в научно-мифологическом синкретизме дапа тайпа творческого мироотношения человека, но что составляет условия ее доступности для исследования? Так мы снова оказываемся перед проблематикой устойчивости мифа в качестве объекта, и снова приобретает значимость поиск мифологического инварианта в качестве субъекта разнонаправленных аспектов мифа.

Мифологический инвариант не аутентичен, не существует сам по себе, но является единственной возможностью предметного рассмотрения мифомышления. Но что же мешало трансляции понятного предметного образа мифа при достаточно большом числе творческих представителей человечества в рамках науки как социального института (уже не говоря о многовековых философских традициях)? Мифологический инвариант синкретичен с процессами специализации творческой установки мышления. И именно здесь современный человек стоит ближе к мифу, а миф непосредственно входит в современность, ее структуры, и даже указывает перспективы деструкции в постмодерне. Оказываясь в мифе, наука не становится менее научной при условии внутреннего, а не внешнего отношения к мифу.

Уникальность науки антропологически взаимосвязана с мифотворчеством. Необходимо рассмотреть несводимость современного мифотворчества к его негативным социальным и политическим формам. Всякая научная картина мира в той или иной степени, в том или ином отношении мифологична. Миф становится способом возврата человека в науку. Миф синхронизирует современно-перспективное и архаично-ретроспективное, преодолевая натуралистическо-гуманитарную дихотомию мира человеческих знаний. Личность и наука становятся формами жизни, не отталкивающими жизненную цельность мифа в качестве внешнего спутника. Пока миф трактуется как магический компенсатор научного расколдовывания мира, он все еще работает против научного освоения действительности.

Жизненный мир человека переключивается из раздела этологических метафор в область аксиологических оснований науки как

многомерного и перспективного явления, при условии, что миф рассматривается как ключевой инвариант стратегий человеческого поведения. Разговор о жизненном мире человека несовместим лишь с последовательным бихевиоризмом, не протаскивающим когнитивной те или иные этические ценности. Типологический взгляд на аксиологические основания научного познания, представленные в антропологических ресурсах мифа, создает новое проблемное поле науковедения, превращается в пропедевтику антропологического науковедения. Во многом это вопрос разделения научного труда, но именно миф способен связать воедино разные способы изучения науки.

Науки не может быть слишком много в том смысле, что как форма человеческой деятельности она нацелена на освобождение от предрассудков. Но и мифа не должно быть слишком мало, поскольку речь идет о науке как проявлении и реализации человеческой жизни. Формулы мифа не существуют, но условием всякого человеческого творчества оказывается пространство, уже освоенное и структурированное мифом. Очевидная многовариантность взаимных позиционирований науки и мифа делает ключевым свойством мифологического инварианта его предметную неочевидность. Мифологический инвариант — это, по своей сути, процесс движения по кривой смысла, где траектория постоянно ориентирована относительно истоков и перспектив научного освоения мира. Мифологичность науки и научность мифологии не сосуществуют в качестве недифференцированных целостностей. Глубинная целостность мифа нуждается в научной дифференциации мышления по существенным признакам, где мифотворчество приобретает необходимые свойства необратимости и устойчивости освоения мира. Эта роль мифа малозаметна по причинам субъектно-объектного противопоставления человека и мира в первоначальном принципе научного экспериментирования.

Миф нужен как резерв антропологически осмысленных рефлексий роста научного знания. Завершение философской антропологии неразрывно связано в предметном и методологическом отношениях с раскрытием оснований и перспектив научного освоения мира человеком. А человека без мифа не бывает. Но значительно хуже, когда возникают мифы без человека (даже если они о человеке). От новых болезней старые добрые лекарства помогают мало. В информационном обществе с его новыми возможностями и опасностями, человек не гарантирован от утраты собственного образа ни средствами магии, ни научно-техническими проектами. Беззащитность политического мышления перед мифотвор-

ческой идеологией дает лишь слабое, смутное представление о глобальных катастрофах будущих научных манипуляций человеком. Мифотворчество не реабилитирует просветительский проект воспитания человеческого рода, его сфера существенно шире — это новое понимание рациональности через перспективу человека. Миф способен оглянуться на себя лишь ценностными установками научного освоения мира человеком.

О. В. Хлебникова
г. Омск

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ОСВОЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Прежде всего необходимо определиться со значениями некоторых основополагающих понятий. Таких, как «философия», «философ» и «философское освоение реальности». Конечно, эти понятия многозначны и в горизонтальной (т. е. непосредственно смысловой), и в вертикальной (т. е. исторической) перспективах, по все же здесь следует расставить определенные содержательные акценты, чтобы «речь» настоящего текста обрела свой предмет.

В пределах данной работы мы будем понимать под философией некоторую письменную литературную традицию (по аналогии с художественной литературой, научной литературой и проч.), пространство, внутри которого располагаются соответствующие тексты, пространство, в каком-то смысле, находящееся вне времени, поскольку и Сенека, и Декарт, и Маркс могут вдруг «ожить» и «заговорить» с нами в случае усилия сопричастного чтения. Будем рассматривать философию как разновидность литературы, взятой в качестве специфической «совокупности проектов и решений», благодаря которой человек осуществляет себя [1]. Внутри этой совокупности возможны самые странные встречи и самые неожиданные отношения (тут, например, всегда можно обнаружить Сократа, пишущего под диктовку Платона [2]).

И тогда философ — это человек, который пишет и/или читает философские же тексты, поскольку, кроме прочего, философия (понятая описанным выше образом) — это определенное писательское искусство и определенная позиция читателя. Как сказал Р. Рорти в беседе с М. Рыклиным: «Если вы в течение длительного времени читаете книги определенного типа: Платона, Аристотеля, Капта, — вас, скорее всего, можно назвать философом. Ибо кому еще это нужно читать?» [3].